

А.В.Карасик, В.И.Карасик (Волгоград)

НЕПОНИМАНИЕ ЮМОРА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ

Авторы анализируют жанр анекдота в русской и английской коммуникативной традиции, делая вывод о различном восприятии юмористических текстов в этих лингвокультурах.

The article treats anecdote as a genre in Russian and English communication. The authors infer that the perception of humorous texts in Russian and English cultures is different.

Непонимание юмора как следствие недостаточной компетенции в межкультурном общении может быть разбито на несколько типов: 1) непонимание бытового юмора, связанное с отсутствием аналогичных реалий в своей культуре, 2) непонимание тех или иных принятых этикетных норм, 3) непонимание глубинных ценностей соответствующей культуры.

Непонимание юмора, основанное на незнании реалий, легко снимается при наличии комментариев. Исключение составляет игра слов: носитель другой культуры понимает, что, вероятно, в другом языке такое случайное совпадение омонимичных единиц может оказаться смешным, но поскольку в родном языке эти слова отнюдь не являются омонимами, то комического эффекта нет. Разъяснение, связанное с формой слов, фактически устраняет неожиданность смыслового столкновения, лежащего в основе юмора. Аналогичным образом не вызывают смеха шутки, построенные на рифмах. Такие шутки не очень характерны для английской культуры, а в русских анекдотах они зарегистрированы в нашем корпусе примеров, главным образом, применительно к примитивным анекдотам.

Обычно вызывают улыбку анекдоты, связанные с различными классификациями, касающимися представлений о других народах. Даже если соль анекдота не понятна сразу, носитель русской культуры легко догадывается о том, что сама структура анекдота должна подсказать его кульминацию. Например, переведенный на русский язык следующий анекдот не вполне вписывается в представление русских об итальянцах, но становится понятным благодаря контексту:

Как убедить новобранца-парашютиста сделать первый прыжок? Американцу нужно сказать: «Если ты мужчина, ты прыгнешь!» Англичанину: «Сэр, это – традиция». Француз: «Это

– просьба дамы». Немцу: «Это приказ». Итальянцу: «Прыгать запрещено!»

Последняя реплика в анекдоте построена на контрасте, этот контраст базируется на типичном образе-стереотипе итальянца в глазах европейцев.

Более сложным является анекдот с перепутанной классификацией:

Рай – это место, где полицейские – англичане, повара – французы, механики – немцы, любовники – итальянцы, а менеджеры – швейцарцы. Ад – это место, где повара – англичане, механики – французы, любовники – швейцарцы, полицейские – немцы, а менеджеры – итальянцы.

Англичане с уважением относятся к своим полицейским, немецкие полицейские известны своей суровостью, известно также, что французская кухня славится своей изысканностью, а английская вызывает нарекания у французов и других европейцев (отметим, что современная английская кухня в значительной мере интернациональна). Немцы известны в Европе любовью к механике и точным механизмам, стереотип итальянца – страстный любовник, швейцарцы славятся своей дисциплинированностью и хорошими организаторскими способностями, идея надежности закреплена в концепте ‘ШВЕЙЦАРСКИЙ БАНК’. Этот анекдот становится понятным русским слушателям после комментария, но у европейцев, часто путешествующих по странам своего континента, данная перепутанная классификация вызывает неподдельную улыбку: они вспоминают, что во Франции никто не смог починить их автомобиль, в Италии им пришлось потратить много времени в аэропорту из-за административных неполадок и безответственности персонала и т.д. Иначе говоря, такого рода анекдоты базируются в значительной мере на личном опыте, т.е. на осознанном переживании непонятных реалий.

Приведем еще один анекдот, обыгрывающий стереотипы представления чужих этносов:

Немецкая, американская и шведская полиция участвуют в конкурсе – кто лучше всех ловит преступников. Дано задание: в лес выпущен заяц, и его надо поймать. Шведские полицейские заводят животных-осведомителей по всему лесу, опрашивают

всех растительных и минеральных свидетелей и после трех месяцев напряженного поиска приходят к выводу, что зайцев в природе нет. Американцы врываются в лес, две недели рыщут по лесу, никого не могут найти, поджигают лес, убивая всех, в том числе и зайцев, и никому не приносят извинений. Немцы принимают за дело и через два часа возвращаются с сильно избитым медведем, который вопит: «Да, я – заяц, я – заяц! Только не бейте меня ногами!».

С точки зрения англичан и американцев, шведские полицейские излишне щепетильны и либеральны. На наш взгляд, шведы в этом ряду оказались случайно: требовалось построить своеобразную классификацию жестокости и показать, что есть народ, полиция которого излишне мягко относится к преступникам. Американская полиция отличается не изощренной жестокостью (здесь приоритет принадлежит немцам), а недостаточной компетенцией, которая компенсируется проявлением грубой силы. Обращает на себя внимание и акцентируемое у американцев отсутствие такта (*никому не приносят извинений*), последний признак является болезненным для тех культур, где принято соблюдать нормы вежливости, прежде всего – для английской культуры. Этот анекдот в общих чертах понятен носителям русской культуры, представляющим себе поведение американских суперменов по фильмам и знающим о жестокости немцев во время войны.

Англичане продемонстрировали полное непонимание русских реалий, связанных с именами собственными в анекдотах:

Теть Валя: «Дорогие ребята! Первое место на нашем конкурсе рисунков на тему «Ваня и медведь» занял Вова Глазунов из Москвы. У него самый красивый рисунок. Правда, ему немножко помогал дедушка Илья...»

Англичане могут не знать о том, что Илья Глазунов – известный современный российский художник. Кроме того, мысль о том, что ребенок пошлет на конкурс детских рисунков картинку, которую ему помогли нарисовать, кажется англичанам странной: эта идея нарушает представления англичан о 'честной игре' (*fair play*). Аналогичным образом англичане не понимают отношения русских к подсказке во время экзамена: у нас товарищ, который

отказался тебе подсказать во время экзамена, однозначно оценивается как предатель, в английской культуре отказ помочь в такой ситуации не воспринимается столь остро (наказание за обман, *'cheating at the exam'*, является весьма суровым).

Англичане испытали трудности при понимании весьма специфических русских анекдотов о КГБ:

Мужик звонит в КГБ по телефону-автомату: «Алло, КГБ? Плохо работаете!» Побежал к другому телефону-автомату: «Алло, КГБ? Плохо работаете!» Отбежал к третьему: «Алло, КГБ? Плохо работаете!» Чувствует на плече руку: «Как можем, так и работаем».

Специфика этих анекдотов состоит в том, что госбезопасность наделяется сверхъестественными способностями и оценивается при этом положительно. Такое отношение к власти противоречит нормам карнавальная культуры, переворачиванию ценностей и природе анекдота. Не случайно бытует мнение, что подобного рода анекдоты специально придумывались в аналитических отделах КГБ для создания соответствующих стереотипов у населения. Кстати, и сама аббревиатура «Комитет государственной безопасности» расшифровывалась шутливо также с положительной коннотацией 'контора глубокого бурения'. Идея вездесущности наших спецслужб выражена в следующем анекдоте, не совсем понятном для англичан (они понимают замысел этого текста, но не согласны внутренне с пафосом анекдота):

В NASA гадают – почему взорвался левый твердотопливный ускоритель SHUTTLE'а, а в КГБ – почему не взорвался правый...

Даже не принимая во внимание то, что КГБ приписываются в этом тексте функции внешней разведки, носители русской культуры подчеркивают способность наших спецслужб проводить в жизнь самые фантастические операции. Англичане воспринимают такой текст как претенциозный и отчасти национально-шовинистический.

Откровенная апологетика власти не является исключением в русских анекдотах, посвященных встречам высших руководителей. Приведем детский анекдот времен Брежнева:

Приезжает Брежнев в Америку. Американский президент Рейган говорит: «Нажми на эту кнопочку!» Брежнев нажал, и оказался под холодным душем. Через некоторое время приезжает Рейган в Москву. Брежнев ему говорит: «Нажми на эту кнопочку!» Рейган нажал, ничего не произошло. Нажал еще раз, тоже ничего не произошло. Он говорит: «Что же это такое? Вот у нас, в Америке...» А Брежнев ему: «Нет у большие вашей Америки».

Англичане не нашли этот анекдот смешным, реакцией была вежливая улыбка, в ряде случаев – пожатие плечами. Нельзя сказать, чтобы респонденты (а это были подданные Соединенного Королевства) испытывали солидарность по отношению к США, но откровенное восхваление мощи СССР в жанре анекдота показалось им странным. Интересно, что в то же самое время циркулировали анекдоты, в которых Брежнев был показан весьма немощным человеком, эти анекдоты не вызвали непонимания у английских респондентов.

Говоря о реалиях нашей культуры, непонятных для англичан-респондентов, отметим, что весьма специфическими для русской культуры являются анекдоты о милиции. Отношение к стражам порядка у носителей русской культуры резко отрицательное. Милиция в зеркале анекдота отличается коррумпированностью и недалекостью. Например:

Приходит милиционер-гаишник домой, злой и замерзший – мало заработал, стоя на трассе. Ему открывает дверь сын-школьник. Гаишник кричит: «Давай дневник, если получил двойку, выпорю!» Мальчишка в слезах бежит к матери: «Мне сегодня как раз двойку поставили!» «Ладно, не бойся», говорит мать и кладет в дневник сыну на страницу с двойкой пятьдесят рублей. Мальчишка с ужасом подает дневник отцу. Тот, нахмурившись, листает, доходит до странички с банкнотой, кладет ее в карман, облегченно вздыхает и говорит: «Хорошо, что хоть дома все в порядке!»

Этот текст показался трудным для англичан, они поняли, что речь идет о неадекватном поведении милиционера, но вся система русских реалий оказалась для них закрытой. Им пришлось рассказать, что милиция на дорогах, служба государственной ав-

тоинспекции, теперь, кстати, переименованная в Государственную инспекцию безопасности дорожного движения (ГИБДД), почти всегда воспринимается в сознании носителей русской культуры как вымогатели, несправедливо штрафующие водителей за малозначимые нарушения движения. Понятно, что рассказчиками анекдотов выступают жертвы несправедливого контроля государства над людьми. Носителям современной русской культуры известна и процедура предъявления водительских прав милиционеру, обычно в права вкладывается банкнота. Юмор приведенного текста состоит в том, что вместо водительских прав фигурирует дневник учащегося – еще одна реалья, отсутствующая в английской культуре. Английские школьники не имеют дневников, которые являются жесткой формой контроля над детьми.

Анекдоты о русской власти показались англичанам странными и потребовали объяснения:

Партийная чистка. Всем, кто раньше участвовал в анти-советских организациях, приказано в суточный срок написать заявление. Мужик приходит домой грустный. Жена спрашивает, что случилось.

– Понимаешь, я же в банде зеленых против красных воевал! Что мне теперь делать?

– А ты не пиши ничего, может, и не узнают.

– Как же не узнают! Парткомиссию наш батько возглавляет!

Этот анекдот вызвал трудности даже на предварительном этапе перед предъявлением его информантам. Слова ‘чистка’, ‘парткомиссия’, ‘батько’ пришлось переводить описательно: *чистка* – *political purge*, *парткомиссия* – *checking party committee*, *батько* – *gang leader*. Суть анекдота была понята приблизительно верно, но в процессе объяснения реалий этот текст потерял свою анекдотичность и превратился в комментарий к истории нашей страны.

Англичане смогли лишь поверхностно оценить следующую шутку:

На выставке пожарных частей:

– Дядь, зачем тебе каска и с ремнем?

– Да вот, малыши, когда полезу в горящий дом, да если упадет чего на голову – так каска спасет меня.

– Тьфу ты, а я думал, чтоб морда не треснула.

Поверхностное понимание этого текста – насмешка мальчика над толстым пожарником. В этом смысле перед нами – анекдот-ловушка. (Аналогичные реакции вызывают комментарии, которые описаны В.В.Дементьевым [2000]: «Ты что-то сказал?» – «Нет...» – «А мне послышалось ‘спасибо’... Прислышится же такое...») Но в данном тексте англичанам непонятна лингвокультурная пресуппозиция: пожарник – это человек, который все время спит на службе, поэтому у него распухшая физиономия, которую нужно ремешком перевязывать, чтобы она не треснула. Мальчик во многих русских анекдотах – это провокатор-трикстер, который неизбежно ставит в тупик взрослого. В наиболее рельефной форме эта функция выражена в серии анекдотов про Вовочку (многие из этих анекдотов являются грубыми).

Результаты нашего экспериментального анализа восприятия анекдотов показали, что признак ‘грубость’ не фигурировал в ответах респондентов, как с английской стороны, так и с русской (впрочем, откровенно скабрзные анекдоты нами не рассматривались, хотя для проведения объективного исследования в специальной работе их следует также принимать во внимание). Целый ряд английских анекдотов был воспринят русскими респондентами как предельно пресные. У англичан такая же реакция прослеживается на изысканные анекдоты стран Юго-Восточной Азии:

Приказал обезьяний царь достать ему с неба луну. Придворные прыгали с высокой скалы, разбивались, и, наконец, самый ловкий из них сумел допрыгнуть до луны и принес ее своему повелителю. Передавая луну царю, придворный спросил: «О великий царь, осмелюсь спросить, зачем тебе луна?» Царь задумался: «В самом деле, зачем?...»

Такие анекдоты носят философский характер, заставляют задуматься о жизни, возможно, с улыбкой, но их вряд ли можно отнести к спонтанно возникающим шуткам.

Английские респонденты оказались в затруднении при попытке понять анекдот, в котором фигурирует весьма специфическая для русского языкового сознания ценность:

Объявление в украинской газете: Меняю ковер 3x4 м на кусок сала такого же размера.

В сознании русских сало – любимая пища украинцев, анекдот содержит очевидную гиперболу. При этом в качестве мерила ценности выступает ковер, который в наших квартирах часто вешали на стену как украшение и который рассматривался как ценная инвестиция. В английском нет однословного и однозначного перевода русской реалии ‘сало’, есть слова, означающие жир, топленый жир, англичанам непонятна гипербола в размерах необъятного куска сала, наконец, они воспринимают ковры только как удобное напольное покрытие, а вовсе не как предмет искусства или демонстрацию благосостояния. Англичане также не могут понять специфического подтрунивания русских над украинцами и наоборот, хотя аналогичные отношения имеют место между англичанами и шотландцами, англичанами и ирландцами и т.д. Элементы взаимного непонимания в межкультурном контакте, представленные в карикатурной анекдотической форме, являются, по-видимому, этнокультурной универсалией, но качества другого народа, подлежащие осмеянию, специфичны. Отметим, что англичане не смогли понять и очень характерный анекдот для межкультурного непонимания между русскими и украинцами:

Мыкола, ты знаешь, как москали наше пиво называют? Пививо! Повбывав бы!

Попытка перевести этот анекдот на английский (и любой другой иностранный язык) обречена на провал: здесь и фонетические особенности речи украинцев, и имитация этой речи русскими, и особая интонация. Но даже при полном объяснении или моделировании искусственных аналогичных фонетических искажений в английском (например, вместо *beer* – *bir*, вместо *kill* – *kell*) респонденты не смогли понять главного: абсолютно немотивированной причины национальной неприязни, а именно этот момент и высмеивается. Отсутствие причины для расправы анекдотиче-

ски преломляется и в других русских анекдотах, странных для англичан:

Жена: За что ж ты меня ударил, я же ничего не сделала!

Муж: Было бы за что, вообще бы убил.

Пресуппозиция о праве мужа ударить жену кажется англичанам странной, хотя в большом количестве анекдотов о теще подобная пресуппозиция не вызывает вопросов. Англичанам в принципе непонятно немотивированное действие: сталкиваясь с миром, в котором в принципе нет причинно-следственных отношений и который русскими именно поэтому воспринимается как веселый, англичане испытывают своеобразный когнитивный дискомфорт. Отсюда вытекает вывод об упорядоченности мира как ценности в англоязычном сознании.

Такого рода анекдоты резко контрастируют с шутками, преувеличивающими и карикатурно представляющими определенные человеческие качества. В нашем корпусе примеров есть юмористическая миниатюра на тему 'радиоперехват':

Actual radio conversation released by the Chief of Naval Operations (so it says)

Hail: Please divert your course 15 degrees to the North to avoid a collision.

Reply: Recommend you divert YOUR course 15 degrees to the South to avoid a collision.

Hail: This is the Captain of a U.S. Navy Ship. I say again, divert YOUR course.

Reply: No, I say again, you divert YOUR course.

Hail: THIS IS THE AIRCRAFT CARRIER ENTERPRISE. WE ARE A LARGE WARSHIP OF THE U.S. NAVY. DIVERT YOUR COURSE NOW!

Reply: This is the lighthouse...your call.

Радиозапись из отчета военно-морского флота.

Запрос: Прошу Вас изменить Ваш курс на 15 градусов к северу с тем, чтобы избежать столкновения.

Ответ: Рекомендую Вам изменить Ваш курс на 15 градусов к югу с тем, чтобы избежать столкновения.

Запрос: Говорит капитан военно-морского флота США. Повторяю, измените Ваш курс.

Ответ: Нет, повторяю, Вы измените Ваш курс.

Запрос: Говорит авианосец «ЭНТЕРПРАЙЗ». Мы являемся большим военным кораблем флота США. Немедленно измените Ваш курс!

Ответ: Это маяк... Прием!

Этот анекдот не вызвал затруднений у русских респондентов, ситуация нелепого противоборства смешна сама по себе, но для американцев в данном тексте содержится дополнительная информация страноведческого характера, усиливающая юмористический эффект. Данный авианосец – один из наиболее крупных американских военных кораблей, принимавший участие в фактических военных столкновениях и являющийся символом военной мощи США. Кроме того, в языковом сознании русских понятие ‘маяк’ не обязательно включает признаки крупного сооружения, построенного на высокой скале или острове, в английском языке сама внутренняя форма слова *lighthouse* содержит элемент ‘дом, здание’.

Носители русской культуры не нашли ничего смешного в английской шутке:

Судья предупреждает свидетеля: «Вы понимаете, что Вы дали клятву говорить правду?» «Да». «Вы понимаете, что случится, если Вы не будете говорить правду?» «Конечно», – говорит свидетель, – «Мы выиграем процесс».

Эта ситуация в русском языковом сознании представляется самоочевидной, здесь нет внутреннего конфликта, который для английского менталитета состоит в признании высокой значимости концепта ‘закон’, необходимости соблюдения закона, ‘игры по правилам’ (*fair play*). Разумеется, в англоязычных странах законы нарушаются, но там реализуется иная акцентировка в оценке нарушений закона: на первый план выходит правовое нарушение, а лишь затем – моральное. В русском языке есть пословица «*Не пойман – не вор*», допускающая двоякое осмысление: не схвачен в момент преступления, значит, не может быть судим (это оправдание для вора, его насмешка над законом, и в то же время это – горькая констатация того, что человек, совершивший преступление, т.е. морально виноватый, в первую очередь, не полу-

чит по заслугам). В английском действуют более жесткие нормы: *Once a thief – always a thief*. 'Один раз своровал – уже вор'.

Во многих случаях респонденты оказываются в затруднении при интерпретации шутки, если эта шутка, по их мнению, является жестокой. Иначе говоря, в одной культуре некоторое явление оценивается как комичное, а в другой получает неадекватную, сверхсензитивную оценку (с позиций исходной культуры). Приведем примеры русских анекдотов, которые оказались непонятными для англичан (тексты анекдотов приводятся в их исходном звучании на русском языке):

(1) *Едет скорая помощь, а за ней катится голова и бормочет: «Ничего себе, сходил за хлебушком...»*

(2) *Палач заносит топор над головой осужденного и спрашивает: «Вам как, куском или порезать?»*

(3) *Идет мужик с топором по улице и говорит: «Тридцать три, тридцать три, тридцать три...» Прохожий его спрашивает: «Ты что считаешь?» Тот его топором по голове: «Тридцать четыре, тридцать четыре, тридцать четыре...»*

Поверхностное прочтение этих анекдотов не дает никаких оснований считать их смешными текстами. Вместе с тем в русской аудитории эти шутки вызывают улыбку. Первый анекдот содержит парадоксально выраженную философскую идею о непредсказуемости следующего момента нашей жизни, такое фаталистическое отношение к жизни, принятие абсолютно неожиданных жизненных поворотов и попытка с ними смириться, пусть и с улыбкой, составляет особенность русского менталитета, непонятную для англичан. Нам жаль беднягу, который пошел за хлебушком, и мы моментально ставим себя на его место. Ситуация вызывает не протест, а удивление, в этом и состоит принципиальное отличие ценностных картин мира в английской и русской лингвокультурах.

Отношение к судьбе удивительным образом преломляется и в русских политических шутках, непонятных для англичан:

Заседание в ставке Сталина. Сталин: «Где маршал Блюхер?» – «Расстрелян как враг народа, товарищ Сталин!» – «Где маршал Тухачевский?» – «Расстрелян как враг народа, товарищ

Сталин!» – «А где маршал Жуков?» – Я здесь, товарищ Сталин!» – «Молодец!»

Англичане сумели понять, что нет никакой заслуги маршала Жукова в том, что он не был расстрелян. Они знают и о патологической жестокости Сталина. Им непонятно, что в этом тексте смешного. На наш взгляд, Сталин в этом анекдоте персонализирует судьбу, от которой все равно не уйдешь, и по отношению к которой надо проявлять открытость, не сопротивление, а готовность идти навстречу. В коллективном сознании такое поведение оценивается как положительное. Не случайно, тиран доволен таким ответом.

Отметим, что в индивидуальном сознании мы можем столкнуться с отношением, принципиально отличным от данного: *«Если плюнуть в пасть льву, он становится ручным»*. Но такой парадокс не станет общепринятым.

Второй анекдот расценивается английскими респондентами как грубый. Такой брутальный юмор нравится, отметим, не всем носителям русской культуры, это шутка на грани балаганного шутовства, говорящий не столько стремится развеселить слушателя, сколько шутит для собственного удовольствия. Этот вид юмора граничит с насмешливо-агрессивным поведением: говорящий, возможно, испытывает своего собеседника на готовность подстраиваться на избираемую говорящим коммуникативную тональность, даже если эта тональность не нравится адресату. В этой связи отметим характерные формулы мальчишеского задиристого коммуникативного поведения: *«Ты что, обиделся? На обиженных воду возят»* (Есть вульгарные варианты продолжения этой формулы). Возможно, что шутки этого типа были бы приняты в специфической социальной среде в Англии, например, среди представителей уголовного мира, школьников в закрытых учебных заведениях, в армии, но среди наших респондентов таких не было.

Третий анекдот в определенной мере соотносим с первым, поскольку показывает абсолютную незащищенность человека перед судьбой. Отличие этого анекдота состоит в том, что прохожий сам напросился на удар судьбы: если бы человек не проявил активность, топор бы не упал на его голову, и эта мысль кажется

представителям русской культуры забавной. Англичане не могут этого понять, поскольку образцы поведения англичан в такой ситуации в корне противоположны образцам поведения русских. Эта же ситуация отражена в следующем анекдоте, также вызвавшем затруднение у англичан:

Из дома выходит известный хулиган. К нему подбегают мальчишки во дворе. Тот смотрит на них и говорит: «Ты, ты и ты...» В этот момент еще один мальчишка втискивается и кричит: «И я, и я, и я тоже!» Хулиган: «Ладно, и ты. Вы все – пошли вы ...»

Эффект обманутого ожидания вызывает улыбку, но суть этой шутки заключается в насмешке над инициативой, такая идея не вписывается в английскую систему ценностей.

Заключение. Общая картина типов непонимания русскими респондентами английского юмора является следующей: из предложенных нами переведенных с английского языка на русский шутки в качестве материала для проверки реакции принципиально не доступны интерпретации анекдоты, построенные на игре слов или содержащие реалии британского образа жизни. Анекдоты, базирующиеся на универсальных ценностях, восприняты с полным пониманием. Затруднения у русских респондентов при интерпретации английского юмора сводились к следующим типовым ответам: *‘пресная шутка’, ‘чужой образ жизни, нас это не волнует’, ‘я понимаю смысл анекдота, но смеха он не вызывает’*. Весьма частой реакцией респондентов (28%) было удивление: почему английская шутка такая длинная? (*‘Похоже на рассказ Диккенса’*). В русской культуре приняты гораздо более короткие анекдоты. В этой связи, интерпретируя полученные результаты, мы можем сделать вывод, что распределение юмористических текстов, хранящихся как целостные образования в памяти англичан и русских, вероятно, различно: англичане предпочитают ситуативный юмор, они готовы к юмористической ситуации непредсказуемого порядка, они готовы шутить, общаться с улыбкой в той ситуации, когда русские еще не готовы к такой тональности общения. В этой же связи заметим, что и улыбка на лице англичанина появляется в ситуации неопределенности гораздо чаще, чем

на лице у жителей России [ср. анализ семиотики улыбки в русском коммуникативном поведении: Стернин 2000]. У англичан есть и короткие шутки, в частности, так называемые *knock-knock jokes*, но их сфера употребления значительно уже, чем сфера употребления русских анекдотов, которые рассказываются в кампаниях как к случаю, это их первичная функция, так и для общего веселья, когда люди рассказывают анекдоты как новости (характерная фраза: «Слышал новый анекдот?»). Не случайно в русском языковом сознании есть концепт специфической ситуации рассказывания анекдотов – ‘*травить анекдоты*’, т.е. в компании рассказывать анекдот за анекдотом вне всякой связи с ситуацией. Это может быть общение в купе поезда, при встрече хорошо знакомых и мало знакомых людей. Иначе говоря, анекдот в русском коммуникативном поведении является ключом переключения тональности из серьезной в смешную. Можно сказать, что для многих носителей русской культуры настроенность на смешную тональность именно в серьезной ситуации общения, намеренное переворачивание условий общения, является нормой: на этом приеме построены многие выступления известного сатирика Михаила Задорнова.

Общая картина непонимания англичанами русских анекдотов такова: абсолютно непонятны анекдоты, построенные на игре слов и наших реалиях, вполне понятны шутки универсального характера (как правило, на темы отношений между мужчинами и женщинами, между начальниками и подчиненными, а также ситуации различных ловушек и розыгрышей). Непонятными оказываются анекдоты, связанные с ценностными различиями между русской и английской культурами, например, отношение к концептам ‘ЗАКОН’, ‘ПРИЧИННОСТЬ’, ‘КОЛЛЕКТИВИЗМ’. Существенное затруднение вызывают случаи русского черного юмора, англичанам требуется некоторое усилие, чтобы понять комизм ситуации, в которой обыгрываются убийство, насилие, жестокость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.
2. Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара, 1999.

3. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
4. Стернин И.А. Улыбка в русском коммуникативном поведении // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж, 2000.

Получено 15.05.2001 Волгоградский государственный университет;
Волгоградский государственный педагогический университет